

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 379–385
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 379–385
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-4-379-385>, EDN: EEEPRM

Научная статья
УДК 811.111'27'42:316.346.2

Влияние гендера на использование дискурсивов-организаторов в устном англоязычном научно-популярном дискурсе (на материале TED talks)

Ю. А. Белоножко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Белоножко Юлия Алексеевна, аспирант, ассистент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, yulia.belonozhko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9106-9286>

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния гендера на использование спикерами дискурсивов-организаторов в рамках англоязычных научно-популярных лекций TED talks, посвященных современным проблемам образования. Материалом исследования послужили 20 англоязычных лекций (10 мужских и 10 женских) общим объемом около 50 000 словоупотреблений. Дискурсивы-организаторы подразделяются на глобальные и локальные. Локальные организаторы используются для связи между высказываниями, для выражения отношений причины, следствия, времени, условия, добавления информации, уточнения информации, поиска слов, исключения, включения, организации реального или подразумеваемого диалога, в то время как глобальные организаторы указывают на компоненты структуры дискурса. На основе анализа материала было выявлено, что мужчины используют дискурсивы-организаторы чаще, чем женщины (57% всех зарегистрированных дискурсивов встречаются в лекциях мужчин). Отмечены следующие тенденции в употреблении дискурсивов-организаторов: женщины чаще используют авторизирующие конструкции, содержащие инклюзивное *let's*; дискурсивы-«нумерации», способствующие более четкой организации текста; внутренние ссылки. В свою очередь, в лекциях мужчин прослеживается более частое использование *I*-конструкций, внешних ссылок, отдельных хезитативов (*you know*) и фативов. Было выявлено, что гендер оказывает наибольшее влияние на использование сигналов начала темы, сигналов очередности и последовательности, внешних ссылок, сигналов перехода к другой теме и сигналов вывода. Однако гендерные различия в вариативности и частотности дискурсивов-организаторов незначительны, так как правила научно-популярной лекции в жанре TED talk обязуют спикеров представить заранее отрепетированное выступление, в связи с чем степень свободы в проявлении личностных, в том числе гендерных, особенностей в речи снижается. Кроме того, функции дискурсивов-организаторов таковы, что без них невозможна ни одна публичная лекция, так как дискурсивы-организаторы позволяют логично структурировать изложение и тем самым облегчить его восприятие адресатом.
Ключевые слова: гендерные исследования, научно-популярный дискурс, дискурсивы-организаторы, TED-лекция, феминность, маскулинность

Для цитирования: Белоножко Ю. А. Влияние гендера на использование дискурсивов-организаторов в устном англоязычном научно-популярном дискурсе (на материале TED talks) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 379–385. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-4-379-385>, EDN: EEEPRM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Gender influence on structural discourse markers in the English popular-science discourse (based on TED talks)

Yu. A. Belonozhko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yuliya A. Belonozhko, yulia.belonozhko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9106-9286>

Abstract. The article focuses on the influence of gender on structural discourse markers in the English popular-science genre of TED talks. The research is based on 20 English lectures (10 male and 10 female ones). All the lectures highlight the problems of education and online learning. The overall study materials comprise about 50,000 words. The structural discourse markers include global and local ones. Local structural discourse markers are used to connect statements, express the relations of cause, effect, time, condition, exclusion, inclusion. These discourse markers also let the speaker add information and clarify it, have a pause to search for words, and make a real or implied dialogue. The global structural discourse markers indicate the components of a discourse structure. According to the results of the study, men use structural discourse markers more often than women do (men's lectures contain about 57% of all registered markers). Women tend to use

internal links, authorizing constructions with inclusive *let's* and enumerative linkers to structure their speech better. In turn, *I*-constructions, external links, individual hesitations (*you know*) and phatives are more typical for the men's lectures. Gender is revealed to affect the use of the topic introduction markers, signals of order and sequence, external links, signals of conclusion and signals of switching the topic. However, gender differences in the variety and frequency of structural discourse markers are relatively insignificant since the requirements of a TED talk genre oblige speakers to present a pre-rehearsed speech. This fact decreases the influence of personal features, gender among them, on speech. Besides, structural discourse markers function in such a way that no public speech is possible without them, because these markers provide a means of structuring the presentation logically, thus making it easier for the audience to perceive the speech.

Keywords: gender studies, popular science discourse, structural discourse markers, TED talk, femininity, masculinity

For citation: Belonozhko Yu. A. Gender influence on structural discourse markers in the English popular-science discourse (based on TED talks). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 379–385 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-4-379-385>, EDN: EEEPRM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Несмотря на то, что в современном обществе происходит активная трансформация социальных ролей мужчины и женщины, концепт «гендер» не теряет актуальности в качестве предмета исследования в социологии и лингвистике. Понятие «гендер» не синонимично понятию «биологический пол». Гендер – когнитивная категория, соотносимая с «конструируемыми в языке и закрепленными в сознании его носителей образами, качествами и характеристиками поведения, а также с совокупностью атрибутов, которые приписываются мужчинам и женщинам в определенном социокультурном сообществе» [1, с. 47]. Безусловно, социальные факторы влияют на формирование представлений о мужественности и женственности в той или иной культуре и способах выражения маскулинности и феминности в речи мужчин и женщин. Однако при этом необходимо учитывать, что гендер, по определению А. В. Кириловой, является нестабильным конструктом, степень проявления которого от акцентирования до нивелирования зависит от намерений говорящего и коммуникативной ситуации [2]. По мнению Е. Ю. Гетте, степень проявления гендерного поведения в коммуникации обусловлена сферой общения и половым составом аудитории: «...в смешанных группах наблюдается тенденция к нивелированию гендерных различий, к формированию андрогинного (сочетающего наиболее характерные черты обеих гендерных коммуникативных ролей) типа собеседника... В деловом общении различия в коммуникативном поведении мужчин и женщин нивелируются, а в семейном общении проявляются наиболее ярко» [3, с. 237].

Стоит отметить, что в большинстве ранних лингвистических гендерных исследований мужская речь воспринималась как стандарт, норма, а женская – как отклонение от нормы [4]. Д. Камерон выделяет три «теоретико-концепту-

альные» модели [3, с. 260], характеризующие подходы к изучению различий в мужском и женском речевом поведении: дефицитарную, дифференциальную и доминантную. В наиболее ранних исследованиях женская речь рассматривалась с точки зрения дефицитарной модели (О. Есперсен, Э. Сэпир, Р. Лакофф и др.), в рамках которой некоторые черты женской речи были охарактеризованы как недостаточные в плане использования языковых средств и проявления уверенности и агрессивности. Доминантная модель (Ч. Крамери, Д. Спендер, Л. Пуш и др.) продемонстрировала борьбу радикальных феминисток за лингвистические права. Дифференциальная модель (Д. Таннен, Д. Мальц и Р. Брокер, Д. Кэмерон) обосновала различия между мужским и женским коммуникационными стилями тем, что мальчики и девочки воспитываются в разных субкультурах. Каждая из этих моделей принимает во внимание лишь часть факторов, детерминирующих гендерные языковые различия. Полагаем, что в современных гендерных исследованиях необходимо применять комплексные подходы и учитывать влияние на речь индивида социальных факторов, таких как возраст, уровень образования, социальный статус, ситуация общения, а также особенностей социокультурного контекста [3].

Одной из главных тенденций современного общества является трансформация социальной роли женщины и представлений о феминности. Однако некоторые сферы деятельности все еще традиционно считаются мужскими, например политика и наука, несмотря на то, что «глобальные гендерные стратегии в совокупности с нормами международного законодательства направлены на утверждение гендерного равенства» [5, с. 129]. Э. Керховен, П. Руссо, Э. Лэнд-Зэндстра, Э. Сэксена, Ф. Роденберг на основе образовательных онлайн-ресурсов про-

вели исследование, результаты которого подтверждают, что в сферах науки, технологий, инженерии и математики трудоустроено больше мужчин, чем женщин, в то время как в сфере гуманитарного знания и образования больше сотрудников-женщин [6]. Авторы исследования указывают на то, что выбор девочками сферы науки обусловлен во многих случаях влиянием гендерных стереотипов, согласно которым сфера естественных наук – прерогатива мужчин. Научный стиль изложения имеет больше черт сходства с маскулинным речевым поведением, чем с феминным, следовательно, женщинам, чтобы быть успешными в науке, приходится строго придерживаться норм научного стиля, дабы не звучать слишком «женственно» и быть адекватно воспринятой слушателем, т. е. использовать «гендерно предпочитаемые языковые средства (gender preferential language)» [7, p. 323].

При исследовании тенденции к нейтрализации различий в речи мужчин и женщин, обусловленной социальным и коммуникативным контекстом, на наш взгляд, является актуальным исследование устного научно-популярного дискурса, так как в нем совмещены черты научного, публицистического, художественного и разговорного дискурсов. Главной задачей научно-популярного дискурса является популяризация знаний о науке и технике, привлечение внимания к жизни научного сообщества, «построение информационной мультимедийной сети, объединяющей различные источники информации по научной тематике» [8, с. 43]. Научно-популярный дискурс отличается от научного тем, что адресант (ученый) имеет дело с непрофессиональной аудиторией [9]. «Научно-популярному дискурсу не свойственны клишированные выражения научного дискурса, равно как и высокая насыщенность специальными терминами, затрудняющие понимание текста неспециалистом» [10, с. 84], в связи с чем адресант вынужден «адаптировать научные понятия, что иногда сопровождается появлением дополнительных содержательных смыслов, отсутствующих в тексте научного дискурса» [9, с. 37].

Одной из наиболее известных на данный момент современных разновидностей научно-популярного жанра являются TED talks (в нашем исследовании будем условно называть их лекциями). TED talks представляют собой заранее подготовленные, тщательно отрепетированные публичные лекции, читаемые без

опоры на текст. Выступление носит чаще всего монологический характер, его длительность обычно не превышает 18 мин. Спикерами в рамках конференций TED talks становятся эксперты в разных областях знаний, информация о которых опубликована на сайте www.ted.com наряду с текстом выступления и его переводами на различные языки. Таким образом, публичная лекция TED talks, размещаемая в цифровом пространстве, становится интернет-жанром [11]. Речезанровую специфику TED talks составляют определенная «композиционно-структурная и логическая осмысленность, компактность, четкость», более высокая по сравнению с другими лекциями степень авторизованности, «диалогичности, персуазивности, логической связности», а также высокая плотность употребления дискурсивов [11, с. 264].

Цель данного исследования – провести качественный и количественный анализ речевого поведения мужчин и женщин в рамках научно-популярного жанра лекции TED talks и выявить степень влияния гендера говорящего на характер и частотность употребления дискурсивов-организаторов в этом жанре. Материалом исследования послужили 20 англоязычных лекций (10 мужских и 10 женских) общим объемом около 50 000 словоупотреблений (27 231 словоупотребление в лекциях мужчин, 22 750 – в лекциях женщин). Частотность использования дискурсивов-организаторов представлена в расчете количества случаев их употребления на 1000 словоупотреблений. Отобранные выступления посвящены вопросам образования; спикерами выступили британские и американские учителя, преподаватели университетов, писатели, предприниматели и общественные деятели.

Дискурсивы представляют собой вспомогательные коммуникативные транскатегориальные единицы, основные функции которых заключаются в передаче информации «о грамматических отношениях между словоформами, информации коммуникативно-прагматического характера» [12, с. 10–11], в отражении взаимодействия между участниками коммуникации, передаче оценочного компонента речи, организации дискурса. Это полифункциональные единицы синкретичной природы. Мы используем классификацию дискурсивов, разработанную Е. Ю. Викторовой, согласно которой дискурсивы подразделяются на две большие группы: дискурсивы-регулятивы и дискурсивы-организаторы [12]. Предметом нашего исследования являются дискурсивы-организаторы.

Рассмотрим более подробно особенности использования двух групп дискурсивов-организаторов: глобальных организаторов и локальных организаторов. Локальные организаторы используются для связи между высказываниями, для выражения отношений причины, следствия, времени, условия, добавления информации, уточнения информации, поиска слов, исключения, включения, организации реального или подразумеваемого диалога. Локальные организаторы включают в себя сигналы логических отношений (*though; since*), сигналы ввода примера (*for example; such as; like*), сигналы возможного продолжения (*and so on*), сигналы уточнения (*that is; in other words; it means*), указания на фрагмент дискурса (*here*), хезитативы (*kind of; well; you know*) и фативы (*right; now*). Глобальные организаторы указывают на компоненты структуры дискурса, в их состав входят сигналы сегментации дискурса – начала темы, перехода к новой теме, вывода (*I'd like to tell you; by the way; as a result; ultimately*), маркеры очередности и последовательности выражения мысли (*then; first of all; finally*), внутренние ссылки (ссылки на речь самого говорящего: *learning that I was talk-*

ing about earlier) и внешние ссылки (ссылки на чужую речь и другие источники информации: *There is an ancient proverb that says*).

Рассмотрим частотность употребления глобальных и локальных организаторов. Данные подтипы дискурсивов являются обязательными элементами текстов научного, научно-популярного и других видов дискурса, поскольку позволяют структурировать подачу информации адресантом и тем самым облегчают восприятие речи адресатом. В ходе количественного анализа в нашем материале было зарегистрировано 1570 дискурсивов-организаторов, из них 895 (57%) в лекциях мужчин и 675 (43%) в лекциях женщин. При этом частотность дискурсивов в речи мужчин составляет 32,9 (здесь и далее частотность указывается в расчете количества случаев их употребления на 1000 словоупотреблений), в речи женщин – 29,7. Из этих данных следует, что дискурсивы-организаторы несколько чаще используются мужчинами. Среди двух подтипов дискурсивов-организаторов большей частотностью отличаются локальные организаторы (26,0 у мужчин и 23,8 у женщин). Все количественные данные представлены в таблице.

Глобальные и локальные организаторы

Дискурсивы-организаторы		Мужчины (количество употреблений)	Женщины (количество употреблений)
<i>Глобальные организаторы</i>			
Сигналы сегментации	Сигналы начала темы	13	4
	Сигналы перехода к другой теме	5	10
	Сигналы вывода	5	8
Сигналы очередности и последовательности		103	65
Ссылки	Внутренние ссылки	8	11
	Внешние ссылки	52	36
Всего		186	134
<i>Локальные организаторы</i>			
Сигналы логических отношений		402	364
Сигналы ввода примера		34	30
Сигналы возможного продолжения		3	0
Сигналы уточнения		19	18
Сигналы указания на фрагмент дискурса		11	8
Хезитативы		207	111
Фативы		33	10
Всего		709	541
Общее количество дискурсивов-организаторов		895	675

Проанализируем особенности использования глобальных организаторов. Их частотность в лекциях мужчин составляет 6,8, женщин – 5,9. Мужчинами чаще используются сигналы начала темы (13 употреблений (частотность составляет 0,5) дискурсивов у мужчин и 4 (0,2) у женщин), сигналы очередности и последовательности (103 употребления (3,8) и 65 (2,9) соответственно), ссылки (внешних больше, чем внутренних: 60 (2,2) и 47 (2,1)), реже отмечены сигналы перехода к другой теме (5 (0,2) и 10 (0,4)) и сигналы вывода (5 (0,2) и 8 (0,4)).

Желание мужчин в начале лекции четко обозначить тему выступления приводит к более частотному использованию ими *I*-конструкций (*I'd like to tell you* (1); *I want to talk about* (2); *I'm going to talk* (3); *I want to tell you* (2); *I want to present* (1)). Представляется, что частое использование *I*-конструкций является признаком эксплицитной самопрезентации, что в целом более характерно для мужского коммуникативного стиля [13]. Данный тип конструкций в женских лекциях был представлен двумя случаями употребления *I am going to share with you*; *I'm here to tell you*, в остальных случаях выступление начиналось с нарратива, т.е. тема лекции не была обозначена при помощи местоименной авторизирующей конструкции или какого-либо дискурсива. Стоит отметить, что *I*-конструкции являются дискурсивами синкретичной природы: они выполняют функции и организаторов, и регулятивов.

Сигналы, указывающие на переход к другой теме, используются женщинами чаще (10 (0,4) по сравнению с 5 (0,2) у мужчин). Наиболее частотным сигналом перехода к другой теме в женских выступлениях являются авторизирующие конструкции, содержащие инклюзивное *let's*: *Let's take a look at another option* (Дафна Коллер (ж)); *You remember multiple-choice questions in high school, don't you? Let's start* (Диана Уолк Роджерс (ж)); *I've talked about what's desperately necessary* (Дафна Коллер (ж)) (внутренняя ретроспективная ссылка). *Let's talk about what's suddenly possible* (Дафна Коллер (ж)); *So let's talk about why they got turned off when they were between the ages of three and 13* (Эли Кар-Челмен (ж)). Употребление данных конструкций позволяет спикеру поддерживать контакт с аудиторией, реализуя стратегию консолидации.

Сигналы вывода использовались женщинами в два раза чаще, чем мужчинами. Можно предположить, что женщины более строго относятся к четкому структурированию текста. В

свою очередь, сигналы очередности и последовательности были отмечены как более частотные в мужских лекциях (3,8 по сравнению с 2,9 у женщин), но представлены в лекциях мужчин и женщин разными способами. Так, лидером в выступлениях мужчин является дискурсив *then*: *Then another school said, "Well, what if we just give you a classroom and you can staff it all day?"* (Дэйв Эггерс (м)), в лекциях женщин – так называемые дискурсивы-нумерации: *Second, it would enable lifelong learning*; (Дафна Коллер (ж)); *First, the need for immediate gratification and quick results. And second, our own discomfort with play, either because we don't have the time or energy, or because we just don't know how to play anymore* (Джесс Илхардт (ж)).

Дискурсивы-ссылки мужчинами и женщинами используются почти с одинаковой частотой: 2,2 и 2,1 соответственно. Что касается внутренних ссылок, то их количество выше в лекциях женщин – 11 (0,5) по сравнению с 8 (0,3) у мужчин, при этом все ссылки ретроспективны. Более частое использование женщинами внутренних ссылок можно интерпретировать как одну из форм самопрезентации и логической организации текста: *But those smart toys, they're a far cry from the interactive, playful learning that I was talking about earlier* (Джесс Илхардт (ж)); *And research shows us that working for justice doesn't just follow from building all those skills I talked about earlier – it actually goes the other way, too* (Сидни Чейфи (ж)). Из десяти мужских лекций в четырех не было отмечено ни одной внутренней ссылки, из женских – лишь в одном выступлении, т.е. это весьма редкий дискурсив в этих лекциях. Данный факт можно объяснить тем, что лекции исследуемого жанра заранее отрепетированы, поэтому частое использование внутренней ссылки, являющейся повтором, неуместно.

В свою очередь, внешние ссылки встречаются намного чаще: 52 (1,9) в мужских выступлениях и 36 (1,7) – в женских. В лекциях мужчин гораздо выше доля цитирования знаменитых ученых: *Indeed, this was, I think, best said by Marie Curie who said that one never notices what has been done but only what remains to be done* (Стюарт Файрстайн (м)); *The kind of ignorance that's maybe best summed up in a statement by James Clerk Maxwell, perhaps the greatest physicist between Newton and Einstein, who said...* (Стюарт Файрстайн (м)); пословиц: *There is an ancient proverb that says it's very difficult to find a black cat in a dark room, especially when there*

is no cat (Стюарт Файрстайн (м)). В то же время ссылки в женских выступлениях направлены на упоминание организаций или на слова коллег, учеников или родителей учащихся, т.е. групп людей: *Harvard's Center on the Developing Child tells us, as well as countless other institutions, that play, and especially the back and forth interactions...* (Джесс Илхардт (ж)). Ссылка на авторитеты позволяет мужчинам придать речи более весомое звучание, поскольку мнение спикера подтверждается высказыванием известной значимой личности.

Что касается локальных дискурсивов-организаторов, лишь два их подтипа чаще употребляются мужчинами, чем женщинами: хезитативы и фативы. В мужских лекциях в 10 раз чаще использовался хезитатив *you know* (он же позволяет поддерживать контакт с аудиторией): *You know, it's been proven that 35 to 40 hours a year with one-on-one attention, a student can get one grade level higher; There you have it, you know – one-on-one attention* (Дэйв Эгерс (м)). Использование данного дискурсива характерно для многих спикеров-мужчин: из десяти мужских лекций *you know* встречается в восьми. В лекциях женщин только два спикера из десяти употребляют *you know*. Данный дискурсив может «выражать как неуверенность, так и уверенность (различаются интонационным оформлением)» [14, с. 19], но в рассматриваемом контексте является выражением призыва к согласию и пониманию со стороны аудитории, что в некотором роде усиливает воздействие через обращение к адресату, так как демонстрирует уверенность адресанта в сообщаемой информации. В исследуемом нами материале более частое использование мужчинами *you know* может быть интерпретировано не только как способ взять паузу и подобрать нужное слово, но и как возможность усилить воздействие на аудиторию, т. е. как одна из тактик стратегии консолидации. Кроме того, у мужчин и у женщин самым частотным стал хезитатив *so*: *So you were probably steered benignly away from things at school when you were a kid, things you liked, on the grounds you would never get a job doing that* (Кен Робинсон (м)).

В группе фативов наиболее частотно представленный дискурсив *right* отмечен только в лекциях мужчин как вопросительный фатив-стимулятив: *That just makes you a geek, right? I mean, virtually everybody over 10 months of age walks around on two legs, right?* (Стюарт

Файрстайн (м)). В лекциях женщин данный дискурсив не присутствует, что может быть интерпретировано как сознательный отказ от использования средств, снижающих категоричность высказывания, хотя традиционно некатегоричность считается характерной чертой женского речевого поведения [15]. Фатив *right* и хезитатив *you know*, совмещающие функции и организаторов, и регулятивов, можно отнести к хеджам, поскольку их использование в конце предложения с восходящей интонацией сигнализирует о поиске согласия аудитории с высказыванием, о стремлении разделить с аудиторией ответственность за сказанное.

Итак, качественный и количественный анализ дискурсивов-организаторов позволяет утверждать, что в рамках исследуемого материала гендерная специфика наиболее значительно проявляется в употреблении сигналов начала темы, сигналов очередности и последовательности, ссылок, сигналов перехода к другой теме и сигналов вывода. Кроме того, отмечаются различия в тактиках реализации стратегии консолидации: мужчины склонны использовать хезитатив *you know* и фатив-стимулятив *right*, в то время как женщины чаще используют инклюзивное *let's*. В целом, гендерные различия в вариативности и частотности локальных организаторов в исследуемом нами материале незначительны, что может быть обусловлено тем, что лекция TED talk является разновидностью устного научно-популярного жанра, требующего от спикеров обоих полов четкости, связности и диалогичности изложения.

Список литературы

1. Полякова Л. С. Понятие «гендер» в лингвистическом описании // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. 11. Языкознание и литературоведение. 2009. С. 44–49.
2. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации : учеб. пособие для студентов вузов. М. : РОССПЭН, 2004. 250 с. (Учебные пособия по гендерной теории в гуманитарных науках).
3. Горошко Е. И. Информационно-коммуникативное общество в гендерном измерении. Харьков : ФЛП Либушкина Л. М., 2009. 816 с.
4. Гендер и язык / науч. ред. и сост. А. В. Кирилина. М. : Языки славянской культуры, 2005. 622 с. (Гендерная коллекция – зарубежная классика).
5. Томская М. В. Гендерное измерение научной сферы в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета.

- Гуманитарные науки. 2021. № 12 (854). С. 128–138. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_12_854_128, EDN: VEPXKF
6. *Kerkhoven A. H., Russo P., Land-Zandstra A. M., Saxena A., Rodenburg F. J.* Gender stereotypes in science education resources: A visual content analysis // PLoS ONE. 2016. Vol. 11, iss. 11. P. e0165037. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0165037>
7. *Wardhaugh R., Fuller M. J.* An introduction to sociolinguistics. 7th ed. Chichester, West Sussex, UK ; Malden, MA, USA : Wiley Blackwell, 2015. 428 p.
8. *Егорова Л. А.* К вопросу об определении понятия «научно-популярный дискурс» // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2009. № 1. С. 42–46.
9. *Рянская Э. М., Шевченко Ю. В.* Реализация авторских коммуникативных стратегий в научном и научно-популярном дискурсах // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 4. С. 33–48. https://doi.org/10.51955/2312-1327_2021_4_33, EDN: ZBNNHP
10. *Багиян А. Ю.* Сущностные свойства и основные характеристики научно-популярного дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 3. С.81–86.
11. *Викторова Е. Ю.* Дискурсивно-прагматическая специфика жанра лекции TED talk (сквозь призму функционирования в ней дискурсивов) // Жанры речи. 2019. № 4 (24). С. 254–266. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-4-24-254-266>
12. *Викторова Е. Ю.* Вспомогательная система дискурса. Саратов : ИЦ «Наука», 2015. 404 с.
13. *Tannen D.* The Power of Talk: Who Gets Heard and Why // Harvard Business Review. 1995. Vol. 73. P. 138–151.
14. *Гриценко Е. С., Сергеева М. В., Лалетина А. О., Бодрова А. А., Дунашева Л. Г.* Гендер в британской и американской лингвокультурах. М. : Флинта : Наука, 2011. 224 с. EDN: UDISYV
15. *Топка Л. В.* Гендерная обусловленность категоричного речевого поведения // Сборники конференций НИУ «Социосфера». 2015. Вып. 25: The theory and practice of gender studies in world science: Materials of the VI Int. sci. conf. on May 5–6, 2015. С. 21–27. EDN: TTMECX

Поступила в редакцию 05.03.2024; одобрена после рецензирования 17.04.2024; принята к публикации 28.08.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 05.03.2024; approved after reviewing 17.04.2024; accepted for publication 28.08.2024; published 29.11.2024